

Ван Мо проснулась, уставившись на трещину в потолке.

Она тянулась косо от левого верхнего угла прямо к люстре. В детстве девочке казалось, что это речка, а позже — что это похоже на треснувшую печать. Ещё позже — уже и не помнит, в какой именно из прошлых жизней, — она видела точно такую же трещину на поверхности какой-то рухнувшей планеты: её края обуглились до бурого, а небесный свет заливался внутрь, словно через разодранную рану.

Она долго смотрела на эту трещину. Веки пекло, будто наждачной бумагой, стоило моргнуть — и глаза резало. Тело было шестнадцатилетним: мягким, тяжёлым, а одеяло давило на ноги ощутимее, чем она помнила. Рука лежала поверх одеяла, кончики пальцев чуть остыли.

Она не шевелилась.

Свет из-за окна пробивался сквозь щель в занавеске и падал на тыльную сторону ладони. Тёплый, с чуть заметным утренним бледно-золотым отливом. Она смотрела, как этот лучик ложится на её кожу, похожий на тускло-золотую монету. Ван Мо попыталась пошевелить пальцем: суставы не хрустели, костяшки не ныли от привычной боли.

Молодое тело. Всё работает, всё ещё можно исправить.

В глубине сознания подал голос Системный узел: [Добро пожаловать обратно.]

Голос негромкий, но и не тихий, словно кто-то говорил прямо над ухом. Она сразу поняла — Система сдерживала громкость, не зная, как долго та уже проснулась и нужно ли ей ещё немного времени, чтобы прийти в себя.

Ван Мо ответила не сразу.

Она отдернула руку из полосы света, перевернула ладонью вверх. Линии на коже тонкие, неглубокие — это её шестнадцатилетние руки. Не те руки, что сжимали оружие в мире апокалипсиса, с мозолями между большим и указательным пальцами. И не те, что срывали тысячелетние духовные травы в мире культивации, а на кончиках их сиял слабый свет. Самые обычные руки старшеклассницы. Ногти коротко острижены, на суставах ни царапин, ни цыпок, абсолютно чистые.

Она повертела руку туда-сюда, изучая пару мгновений, и только потом подала голос:

— Мм.

Голос хриплый, будто она давным-давно ни с кем не разговаривала. Ван Мо кашлянула, в горле першило. Система больше не отзывалась, словно ждя, пока та окончательно оправится.

Она оперлась о матрас и села, подушка соскользнула с плеч к пояснице, одеяло сползло ниже, обнажая ключицу. Немного холодно. Девочка опустила взгляд на себя — на ней была пижама с воротником, застиранным до мягкой белизны, в розовых и белых мелких цветочках, с истончившимися манжетами. Она отлично помнила эту пижаму: именно в ней она была перед отправлением в прошлой жизни.

Ван Мо потрогала ткань на манжете — тонкий хлопок скользнул между подушечками пальцев, бесформенный, совсем лишённый упругости.

— Какое сегодня число?

Система ответила: [Пятнадцатое июля. Сорок третий день до начала занятий во втором классе старшей школы.]

Она ничего не ответила, взгляд упал на противоположную стену. Белые обои, у кровати небольшое пятнышко — неизвестно, когда и чем его поставили. В детстве ей казалось, что пятно похоже на лежащего зайца с прижатыми ушами.

— Временная точка верна?

[Верна.]

Ван Мо кивнула, протянула руку и взяла с прикроватной тумбочки блокнот. Сине-серая твёрдая обложка, уголки чуть загнулись, сверху лежал тонкий слой пыли. Она смахнула её пальцем, на коже остался серый налёт.

Открыла первую страницу — пусто. Ветер протиснулся сквозь щель в окне, края страниц чуть задрожали, словно вдыхая воздух.

Она заглянула в ящик стола, отыскивала шариковую ручку. Корпус прозрачный, сквозь него видна синяя паста, осталось чуть больше половины. На колпачке следы от зубов — когда-то сгрызла от скуки. Ван Мо поскребла ногтем зазубрины, но так и не сгладила их, а затем сдернула колпачок.

Кончик стержня замер прямо над бумагой.

Система молчала. В голове тоже было совершенно пусто, никаких мыслей, и тогда она наклонилась и вывела на бумаге первую строчку: Мама, Ло Ли, Шу Цинли.

Закончив писать, она замерла. Кончик ручки завис сразу за последним иероглифом, капля чернил собралась на самом заострении, но Ван Мо не шевелилась, и капля упала, расплывшись на бумаге синей точкой размером с маковое зёрнышко; её мохнатые края медленно расползались наружу.

Система спросила: [Почему ты колеблешься?]

— Я не колеблюсь.

Она перешла ко второй строчке: Вернуть этому миру прежний хороший вид.

Закончив последний иероглиф, она отложила ручку. Та глухо стукнула о крышку стола — звук негромкий. Ван Мо закрыла блокнот и вернула его на прежнее место на тумбочке, совместив уголок блокнота со старой царапиной на поверхности. Посмотрев на неё пару секунд, она подумала: в прошлой жизни эта царапина тоже была здесь, почему же она никогда не замечала, насколько та мелкая?

Система снова подала голос: [Ты совсем не собираешься бороться за свою выживание? В прошлой жизни ты погибла.]

Её пальцы всё ещё лежали на обложке блокнота, не убирая руки.

— Сделаю то, что должна, а там — жить или умереть, уже не важно.

Подумав немного, она добавила:

— Конечно, лучше бы не умирать.

Система на мгновение умолкла, а затем спросила: [А если кому-то всё же придётся уйти?]

Ван Мо убрала руку с блокнота, оперлась о край кровати и встала. Стопа коснулась старого деревянного пола, дощечки скрипнули — точно так же, как в прошлой жизни, вплоть до тональности звука. Не оборачиваясь, она подошла к окну и раздвинула шторы.

Утренний свет хлынул внутрь, разом залив её плечи и волосы. За окном виднелись крыши старого района — серая черепица тянулась сплошным ковром, вдали из нескольких труб поднимался белый дым; он казался бледно-серым и тянулся по небу тонкими длинными нитями, пока ветер слегка не растрепывал их.

Она прижала ладонь к стеклу. Холодное стекло мгновенно отразило размытый силуэт её ладони, края которого стали медленно таять, словно испарина, осевшая на стекле и рассеивающаяся от тепла.

— Если кому-то обязательно нужно уйти, — произнесла она, — тогда уйду я.

От отпечатка руки на стекле осталась едва заметная светлая кайма; сквозь неё виднелись серые крыши и те самые дымящие вдали трубы. Белый дым продолжал подниматься вверх, лениво и неторопливо, словно у него не было никаких срочных дел.

— Но я хочу сначала попробовать, — добавила она, — нельзя ли сделать так, чтобы уходить не пришлось никому.

Она оторвала ладонь от стекла, на подушечках пальцев остался лёгкий холодок. Ван Мо вытерла руку о штанину, а затем повернулась и толкнула дверь.

Из коридора от гостиной тянулся полосой утренний свет, ложась на пол пастельно-золотистым ковром с пушистыми краями. Стоя в коридоре, она смотрела на этот свет, не доходя до него самую малость.

С кухни донёсся голос мамы:

— Момо! Ты встала? Каша сейчас остынет!

Голос пролетел по коридору, смешавшись с запахом еды и раскалённого масла, горячей волной ударяя в лицо. Ван Мо замерла на полпути, носок тапочки остановился в полушаге от света.

Она пару секунд смотрела на эту полосу. В прошлую жизнь последним, что она видела, был не свет, а тьма. Перед тем как печать сомкнулась, на краю её зрения царил лишь мрак, и Шу Цинли стоял на самой границе этой тьмы — лица она не разглядела, помнила лишь, как он протянул руку. А потом не стало ничего.

Она шагнула через золотистую полосу света. Тапочки шлёпнули по полу — легко и уверенно. Ван Мо дошла до двери ванной, повернула кран, и вода забарабанила по керамическому дну раковины, несколько брызг упали ей на запястье. Опустив взгляд, она проследила, как эти капли скатываются по косточке и падают вниз.

Она умылась. Подняв голову, посмотрела в зеркало: лицо шестнадцатилетней девушки, припухшие веки, крошечная, едва заметная родинка на кончике носа, между бровями — еле заметная вертикальная складка. Неизвестно, когда она появилась, должно быть, от привычки часто хмуриться. Несколько секунд изучая эту морщинку, она попыталась кривя губы изобразить улыбку, но та не вышла. Система молчала.

Закрутив кран, она выключила воду, и отражение в зеркале замерло. Опустив руки, она вытерлась — полотенце было старым, ворсинки свалялись, но к коже оно прикасалось мягко, оставляя лёгкий запах мыла.

Повесив полотенце на место, она вернулась на кухню и села за стол. Перед ней стояла пиала с кашей, над ней ещё вился тонкий пар, клубясь в лучах утреннего солнца и постепенно растворяясь в воздухе.

Мама сидела напротив, быстро чистя варёное яйцо — скорлупа одна за другой падала на стол с сухим стуком, движения были быстрыми и привычными для этого утреннего часа.

— Вчера уроки доделала? — спросила она.

— Доделала.

— Ты в последнее время стала такая послушная, что я даже отвыкла.

Мама подняла на неё глаза и положила очищенное яйцо в её пиалу:

— Ешь давай.

Ван Мо посмотрела на белое, круглое яйцо в чашечке, на поверхности которого еще оставались крошечные частицы прилипшей скорлупы. Взяв ложку, она зачерпнула кашу и отправила в рот. Тёплая, крупинки разварились окончательно, оставляя чуть сладковатый привкус. Когда она сглотнула, в горле неожиданно защемило — совсем чуть-чуть, словно горячая каша обожгла дыхательное горло.

Она подавила это чувство, не дав ему отразиться на лице, и снова зачерпнула ложкой. Свет за окном падал ей на спину, согревая сквозь тонкую ткань пижамы и оседая между лопатками.

Мама больше ничего не говорила, подцепив палочками немного солений и хрустко надкусив одно. Звук звонко разнёсся по тихой кухне.

Ван Мо допила кашу, на дне пиалы показался белый фарфоровый узор, съела яйцо, поднялась из-за стола и произнесла:

— Мам, я наелась.

Мама только угукнула, не поднимая головы. Девушка опустила пиалу в раковину, вернулась в комнату и прикрыла за собой дверь. Снова усевшись за письменный стол, она раскрыла блокнот и провела пальцем по тем двум строчкам: в первой — три имени, во второй — целый мир.

Посмотрев на них ещё немного, она медленно закрыла тетрадь и вернула её на тумбочку, точно на то место, где была царапина. Окно было приоткрыто, ветерок пробивался в щель, занавеска чуть шевельнулась, и солнечный луч пополз по стене, переместившись со стола на обои, а затем скользнув на тыльную сторону её ладони.

— Осталось сорок три дня, — сказала она.

Система уточнила: [Считая от сегодня?]

— Считая от сегодня.

Она сидела неподвижно, а свет на руке казался тёплым и тихим. За окном всё так же поднимался белый дым, неторопливо уплывая ввысь и вытягиваясь в небе тонкими линиями. Посмотрев на него ещё немного, Ван Мо больше ничего не сказала.

<http://bllate.org/book/21190/2145444>